

Валентина Колесник,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой болгарской филологии
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

БОЛГАРИН: В ЗЕРКАЛЕ КЛАССИКОВ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Национальный характер и картина мира определяются прежде всего социально-культурными, биологическими факторами, условиями жизни народа, в том числе и природными. Равнинный степной характер наложил отпечаток на историю России – равнина не терпит ничего, что могло бы подняться над ней. И широта русской души, и ее противоречивость объясняются также огромными просторами, неисчерпаемыми богатствами русской земли. Исследуя особенности русской души Ф.М. Достоевский писал: «Русский человек слишком широк, не мешало бы его сузить, так как в нем одновременно уживаются и самые высокие и самые низкие желания». Что касается Болгарии, то ее территория примечательна в вертикальном отношении.

Болгария – преимущественно горная страна. Горы занимают важное место в болгарской картине мира. Горный рельеф и жаркий климат в значительной степени определяют особенности материальной и духовной жизни болгарского народа. Совершенно очевидно, что жителям гор свойственна особая психология, особый взгляд на жизнь. Большинство деятелей болгарского национального и духовного возрождения происходят из горных селений: Васил Априлов, Петко Славейков, Георги Раковски, Любен Каравелов, Христо Ботев, Иван Вазов. Горы принимают непосредственное участие в формировании свободолюбивого духа болгар, закаляют их характер, воспитывают смелость и предприимчивость.

Особенности национального рельефа отражаются и в художественной литературе. Горы – сквозной образ многих болгарских поэтов. Один из самых совершенных образцов болгарской прозы – «Старопланински легенди» Йордана Йовкова. Горы связаны в сознании болгарина с конкретными событиями или легендами. Рильский монастырь – оплот болгарского духа и культуры – *българщини*. Шипка – место ожесточенных боев русских войск и болгарских ополченцев с турками. Пирин – излюбленное место самодивов – прекрасных фантастических существ женского пола, в белых одеждах и с развевающимися волосами, которые воспеты Христо Ботевым в знаменитом стихотворении «Хаджи Димитър».

Географические условия, особенности рельефа обусловили особое восприятие пространства и ориентации в нем. По определению Георги Гачева болгарин «не любит прямой линии», он боится пустоты. Для болгарина символ движения – это не дорога, уводящая в даль, а стебель, пронизывающий пространство вертикально. Действительно, есть языковые факты, показывающие, что оппозиция «вверх-вниз» для болгарина более значима, чем «вперед-назад». Самое интересное в этом плане – это семантическое развитие слов *горе* и *долу*. На вопрос *Как си?* – ‘Как дела?’ Как правило, отвечают *Горе-долу* ‘так себе’.

Противопоставление верх-низ – одно из самых древних мифологических координат, упорядочивающих все мироздание. Оно обнаруживает себя в устойчивых сочетаниях, загадках, анекдотах. Болгары с их вертикальной ориентацией в пространстве придумали следующую шутку: У меня такая маленькая квартира, что собака виляет хвостом не слева-направо, а вверх-вниз [Норман, с.16].

Символом верха и низа в болгарской культуре является колпак. И, если принято считать, что все русские писатели XIX в. вышли из шинели Гоголя, то

болгарские – из-под колпаков Ботева и Яворова. Колпак в болгарской культуре атрибут мужчины, символ родовой связи поколений, символ земной жизни, мужской потенции и одновременно символ верха – связи с космосом, видимого и невидимого мира. В некоторых обрядовых церемониях он может даже заменять мужчину, например, в свадебной обрядовости – сватовстве, если парень весной, летом и осенью пасет овец в горах или работает по найму, его могут засватать и без него, а только с его колпаком, в таких случаях говорят – *годили го с калпака* – ‘засватали его колпаком’ [Радев, с.6]. Колпак может служить не только символом верха, но и низа. Ударяя колпаком о землю перед девушкой, которая ему нравится, он как бы говорит – *и горе и долу съм добре* – ‘все у меня в порядке (и внизу и вверху)’.

Во время турецкого рабства болгары должны были носить колпак нахлобученным до глаз (*нахлупен до очи*). Бунтовщики и гайдуки носили колпак *накриво* и подкручивали усы. *Засукани мустаци* и *накривени калпаци* были символами свободолюбия. *Накривени калпаци* носили участники Апрельского восстания, подчеркивая этим свою независимость и свободу. Воевода Георги Беньковский, а позже и другие борцы за свободу (апостолы) носили колпак с красным дном и павлиным пером. Михалаки Георгиев в рассказе «Тошо» отмечает следующую символику колпака: выражение ярости (*намъкне капа на очи, като че ли си му къщата запалил*), безразличия или скромности при похвале (*понаведе капа на чело*), стыда (*наведе глава*), стеснительности (*капа в ръце*) [Георгиев, с.15].

Колпак – атрибут пастухов и огородников. Мещане и торговцы носили фес – т.е они заменили колпак фесом. Таким образом происходило социальное расслоение. В рассказах Михалаки Георгиева подчеркивается знаковость колпака и после Освобождения. Если во времена турецкого рабства колпак был в оппозиции к фесу, то после Освобождения – в оппозиции к цилиндру – новому

веянию европейской культуры. Это отражено, например, в произведении Алеко Константинова «Бай Ганьо». Константин Иречек – автор знаменитой истории Болгарии – вернулся в Вену в колпаке и высоких сапогах, подчеркивая свою близость к народу и уважение к его культуре, чем изумил всю немецкую публику в ресторане.

У Пейо Яворова – известного болгарского поэта эпохи модернизма – колпак был знаком мужской эротичности, переходящей в творческую энергию. Именно шапкой Яворов зачастую выражал свое отношение к собеседнику. Свои старые колпаки он раздаривал своим друзьям – молодым писателям и поэтам, особенно любил белые колпаки еще со школьной скамьи.

Колпак *горе и долу* – символ болгарской мужественности. В быту у него низшая функция (направленная вниз – *надолу*) – он служит продолжению рода, на площадях – у него высокая космогоническая миссия, отстаивания отечества и державы.

Говоря о модели мира болгарина, стоит вспомнить об улитке (болг. *охлюв*). Терпеливая и независимая, она таскает на себе свой домик-раковину. И уже этим вызывает сочувствие и симпатию болгарина. По словам Г.Гачева, «улитка – сама себе тело и сама себе дом – это микроболгарин с его идеалом «къща» – закрытого пространства» [Гачев, с.130]. У Ст. Михайловского есть басня «Орел и охлюв», где орел высокомерен (как положено царю) и неумен, а улитка – скромна и достойна уважения: она сама, «ползком», зарабатывает себе место под солнцем.

В болгарской культуре есть и свои растительные символы. Из деревьев это прежде всего *дъб* и *топола*. Дуб служит образцом стойкости, вечности, мужественности, а тополь – стройности, женственности, нежности. Именно в таком архетипическом качестве они используются в фольклоре и поэзии. А также *божур* 'пион' и, конечно же, роза: «Роза живет мало, но в ее короткой

майской жизни больше сладких минут, чем в многолетнем существовании вербы... Если ты живешь, то это жизнь, а если дремлешь – то это дремота», – писал Любен Каравелов. Ленивую, «дремлющую» семейную пару писатель сравнивает с двумя огромными желтыми неподвижными дынями на бахче [Каравелов, с.18].

Дом для болгарина непосредственно связан с землей, что вполне соответствует психологии крестьянина. Об этом мечтает герой повести Георги Караславова «Селкор», который собирается жениться на дочери хозяина: Он сразу думает о том, сколько ему дадут наделов земли и за сколько лет он их удвоит: *През ума му минаваха хиляди сметки. Колко ниви ще му отделят? Колко ще му се паднат? За колко години ще ги удвои?*[Караславов, с.25].

Социальные конфликты, отраженные в болгарской литературе XIX-XX вв., часто связаны с ситуацией раздела наследства и правом собственности на землю. Классический пример – произведения писателя Димитра Иванова, известного под псевдонимом Елин Пелин. В повести «Гераците» описывается распад патриархальной семьи: новое поколение Гераков требует немедленного раздела отцовского имущества. В повести «Земля» стяжатель-земледелец поднимает руку на родного брата, чтобы присоединить к своим владениям полосу земли.

И сегодня для болгарина характерно отношение к земле как кормилице, поэтому возделывается она с любовью и знанием дела. Вот с каким поэтическим вдохновением рассказывает писатель и общественный деятель Константин Петканов, что такое земля для болгарина: «Ей он посвятил всю свою жизнь – всю жизнь во всем экономит, чтобы купить землю. Ради нее он бьется с соседями, сорится с братьями, воспевает ее в песнях как единственную мать, и на смертном одре он говорит: земля меня зовет. Ради нее он оставляет своих

близких. Для него она живая – сердится, радуется, утоляет жажду» [Петканов, с. 402].

Говоря о трудолюбии как об одном из основных качеств болгарина, исследователи подчеркивают: речь идет именно о сельском труде. А всякая другая работа – это от лени, только с целью извлечь прибыль без труда.

А.Г.Марков, анализируя творчество И.Вазова, его самое значительное произведение «Под игото», написанное в Одессе, считает, что писатель склонен был идеализировать национальные черты: трудолюбие, привязанность к земле, дому, семье, влечение к образованию и науке, жизнелюбие, бескорыстная любовь [Марков, с.131]. Однако сама действительность, по мнению критика, оправдывает эту идеализацию.

Таким образом, дом и земля – важнейшие составляющие концептосферы болгарина, с ним связаны такие присущие ему качества, как хозяйственность и трудолюбие.

Однако условия жизни и общественная традиция не очень-то располагают болгарина к отвлеченным умствованиям, его мышление лучше всего проявляет себя применительно к конкретным, приземленным, личностным темам. Георги Гачев так писал об этом: «В Болгарии трудно мышлению быть отвлеченным».

Приниженный к земле, болгарин вложил свою душу в уход за землей, потому ее плоды – это для него как творения художника, а вкушение – высокоэстетический, созерцательно-духовный, а не просто потребительский акт насыщения.

Сцены трапезы популярны в болгарской литературе. Тыква и фасоль служат символами простой еды, бедного дома, потому лексема *тиквеник* в болгарском языке имеет значение 'недотепа' и 'житель равнины', а *фасулковци*,

придуманное когда-то Пенчо Славейковым, означало 'ограниченные, недалекие люди'.

Классической в болгарской литературе является сцена трапезы Бай Ганьо в гостях у Иречека. Бай Ганю – это собирательный, окарикатуренный образ болгарина, который решил составить себе капитал на торговле розовым маслом. Набив перекидные холщовые сумки – *дисаги* – миниатюрными флакончиками (*мускалчета*), он отправляется путешествовать по Европе. В Праге заявляется в гости к профессору-историку Иречеку, имя которого встречал в газетах, и профессор вынужден пригласить его на обед. На обед подают суп. Суп – понятие европейское, а свое, родное – *чорба* – похлебка, которая готовится из разных продуктов. Вот одна из сцен обеда:

-... Това какво е, супа ли е? А, аз обичам супа. Чорбата е турско ядене. И ний сега повече супа ядем. Ах, пърдон, извинете, уцапах ви бохчата...

Увлечен от желание да се препоръча за цивилизован човек... той събира част от супата с лъжицата.

- Аз имам чушка в дисагите си... Две стигат за петима ни, страшно са люти... чакайте аз да си разтрия, че да ви покажа, какво се вика супа... И почна да сърба; ама сърба българинът, не се шегува, триста псета да се сдавят, не могат го заглуши... 'И триста псов не могат заглушить его сербание'.

Ние много хляб ядем, ама с таквази чорба, пърдон, с таквази супа цял самун хляб изядам. Бас държа ('бьюсь об заклад, спорим?')...[Константинов, с.53-54]

Жадность, самодовольство, невежество, бесцеремонность, наглость – основные черты бай Ганьо. Образ нового болгарина, зарождающегося буржуа вызывал у современников разные чувства. В России В.Короленко, а затем и М.Горький отказались издавать перевод повести А.Константинова на основании

того, что она унижает болгарина, представляет его в искаженном свете. В Болгарии же образ стал национальным символом, есть даже термин *байганювщина*.

Хозяйственная жилка болгарина естественно предполагает расчетливость, даже некоторую скуповатость или «прижимистость». Эти качества мы наблюдали на примере бай Ганьо. И габровцев.

Характерно, что в болгарском языке довольно много слов для обозначения понятий «сделка, махинация, выгода, польза, прибыль, выигрыш»: *файда, алъш-вериш, гешефт, далавера, аванта, келепир* 'халява'. Большинство из них заимствованы из турецкого языка, это говорит о том, что искони болгарину эти понятия не были присущи.

Болгарин не склонен ничего принимать на веру, он любит сам во всем убедиться, оставляя резерв для сомнения и принятия другой истины. Таким образом, неуверенная форма его суждений одновременно означает допущение других горизонтов познания, ожидание истины с разных сторон [Норман, с.59].

Болгарин недоверчив и несговорчив – это отмечают все исследователи, в его душе царит дух отрицания. Большое количество устойчивых сочетаний означает сомнение, недоверие, скепсис.

Недоверчивость и склонность к сомнениям можно было бы также считать свойством крестьянской психологии. С лингвистической точки зрения важно то, что данный аспект смысла грамматикализуется – в пересказывательном (умозаключительном) наклонении, конклузиве – для говорящего и слушающего важна достоверность-недостоверность передаваемой информации. Одно дело сказать – *Дядо Стоян отиде по работа* (изъвительное наклонение), а другое – *отишъл по работа* – ссылка на чужие слова – 'сказал, что пошел по делам' или 'говорят, что пошел' – либо выражается некоторый скепсис, недоверие к

передаваемой информации – ‘якобы пошел по делам’. Ученые считают, что данная граммема уходит корнями в народную психологию, в желание болгарина подвергать все сомнению и, одновременно, в широко понимаемую толерантность, терпимость к иным точкам зрения.

Еще одно важное качество болгарина – его сдержанность. Он не любит раскрывать свою душу и изливать свои эмоции на собеседника, скорее наоборот – его жизненный принцип – скромность и замкнутость: то, что психологи называют интровертностью. Филолог-германист К.Гъльбов в одном из своих эссе называет болгарина «человек свирели» – *човекът на кавала*, имея в виду, что ему изначально присуща углубленность в себя, сосредоточенность на своих переживаниях – объясняя это пятивековым рабством [Гъльбов, с.205].

В то же время южный темперамент болгарина проявляется в его предрасположенности к соперничеству, состязательству. Можно условно назвать эту черту азартностью – любит спорить, заключать пари или подначивать своего собеседника: *хайде де, я да видим...*

Т.о. в болгарском характере сочетаются очень разные, подчас даже противоречивые качества. В подтверждение этому приведем этнопсихологическую характеристику, которую дает своим соотечественникам софийский профессор М.Семов: «Болгарский характер – это характер парадоксов, характер противоречий: характер отрицания и созидания одновременно. Достоинства и *шмекерлъка* – шахрайства. Трудолюбия и расточительства. Ученолюбия и недоверия к интеллигенции. Непокорства и рабского духа. Характер большой нации и нации, все еще не уверенной в себе» [Семов, с.20].

Классики болгарской литературы (И.Вазов, Елин Пелин, Й.Йовков, Эмилиян Станев, Д.Димов) успели уловить пульс эпохи и отразить в своих произведениях самые характерные черты болгарина, его моральный облик в

судьбоносные периоды истории Болгарии. В XX в. болгарский повествовательный гений предпочитает рассказ – это ведущий жанр болгарской прозы. Болгарские исследователи объясняют это отсутствием достаточно продолжительной исторической дистанции между судьбоносными событиями нации, дистанции необходимой для структурирования романских форм [Константинова, с. 5].

Для новой современной болгарской литературы характерны лапидарные формы фейлетоны, рассказы – притчи, анекдоты, эссе, что, как отмечают исследователи, характерно для переходных периодов исторического развития того или иного этноса. Миниатюризация не только художественной литературы, но и философской, мемуарной, литературно-критической. Минимализм характерен не только для прозы, но и для поэзии. Это объясняется глобальным влиянием Интернет-литературы, клиповым сознанием современного автора, влиянием нового времени – времени свободы от всего – от идеологии, политических взглядов, жанровых канонов и сюжетности и от связанности мыслей, это время фрагментов. При этом большинство произведений бессюжетны, в лучшем случае сюжет превращается в серию клипов – сцен, целостность достигается через частичность – фрагменты [Карцева, с.144].

Литература

1. Гачев Г. Национальные образы мира / Георги Гачев – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.
2. Георгиев М. Разкази / Михалаки Георгиев. – София: Народна просвета, 1992. – 126 с.
3. Гълъбов К. Човекът на кавала. Човекът на Рибния буквар. Човекът на Балкана /К. Гълъбов // Защо сме такива? В търсене на българската културна идентичност. – София: Наука и изкуство, 1994. – С.205–207.

4. Каравелов Л. Маминото дете/ Любен Каравелов. – Велико Търново, 1992. – 102 с.
5. Караславов Г. Разкази/Георги Караславов. – София:Народна просвета, 1986. – 158 с.
6. Карцева З. Прозата на фрагмента (за минимализма в новата българска литература)/Зоя Карцева/Българистични проучвания: [международен семинар по български език и култура]. – В.11. – Велико Търново :Фабер, 2007. – С.144–156.
7. Константинова Е. Откриване на магическото във всекидневното (за българския разказ от вчера и днес)/Елка Константинова /Българистични проучвания: [международен семинар по български език и култура]. – В. 8 – Велико Търново : Фабер, 2002. – С.5 – 15.
8. Марков Д.Ф. Из истории болгарской литературы/Д.Марков/. – Москва: Наука, 1973. – 400 с.
9. Норман Б.Ю. Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте: [курс лекций]/Борис Норман. – Минск : БГУ, 2005. – 131 с.
10. Петканов К. Характерни черти на българина/ К. Петканов // Защо сме такива? В търсене на българската културна идентичност. – София : Наука и изкуство, 1994. – С. 401–411.
11. Радев Р. От калпака до цървулите/Радослав Радев. – Варна : Славена, 2002. – 88 с.
12. Семов М. Добродетелите на българина/М. Семов/– София : Наука и изкуство, 1999. – 208 с.